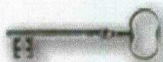

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, г. Белгород

Смоленское «взятие» Василия III

Ключевые слова:

Россия в начале XVI в., русско-польско-литовские отношения, история военного дела России, русско-литовские войны

В данной статье описываются события начала XVI в., когда молодое Русское государство, освободившись от ордынской зависимости, перешло к активной внешней политике. Одним из ее важнейших направлений стало направление западное, литовское. Московские государи заявили претензии на т.н. «наследство Ярослава Мудрого», т.е. на южно- и западно-русские земли, ранее входившие в состав Древнерусского государства, а после татаро-монгольского нашествия попавшие под власть литовских князей. Одним из важнейших городов, из-за которого соперничали Москва и Литва, стал Смоленск. Походам Василия III на Смоленск, завершившихся взятием города в 1514 г., и их предыстории, посвящен этот материал.

Великий князь московский
Иван III

В истории отношений России и Великого княжества Литовского (позднее Речи Посполитой) борьба за Смоленск была одной из самых ярких страниц. Это и немудрено. Город по праву именовался «ключом Москвы», но вместе с тем точно также мог называться и «ключом Вильно». Потому-то прав был отечественный историк В.П. Мальцев, писавший «...для Москвы овладение Смоленском открывало широкие возможности военного и торгового продвижения как на юг — по Днепру в земли Северскую и Киевскую, так и на запад — по Западной Двине в землю Полоцкую». Взав Смоленск, московские государи делали чрезвычайно важный,

если не самый важный, шаг на пути собирания под власть Калитичей «наследства Ярослава Мудрого». Для Литвы же утрата Смоленска неизбежно означала угрозу ускорения распада государственности и ее поглощения по частям неуклонно усиливающимся восточным соседом [13, с. 73]. Обе стороны это прекрасно понимали, и потому отнюдь не случайно московские послы весной 1504 г. в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «...вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города...», которые, по мнению московских дипломатов, «...с Божьею волею, из ста-

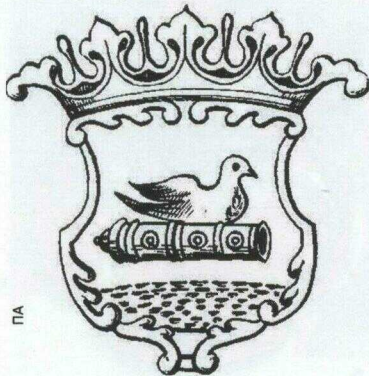

рины, от наших прародителей наша отчина» [18, с. 460]. Обращает на себя внимание тот факт, что московские послы поставили в списке городов Смоленск на второе место после «матери городов русских»!

Естественно, что при таком раскладе «смоленский вопрос» в отношениях России и Литвы приобретал особую значимость для обоих государств. И та, и другая стороны полагали делом чести для себя обладание Смоленском и «Смоленской землей». Особенную остроту этот вопрос приобрел в начале XVI в. К этому времени Иван III в серии войн с Великим княжеством Литовским сумел отвоевать у Литвы значительные территории в верховьях Угры, Жиздры и Оки и окончательно определился со своей позицией в отношении русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Следующим на очереди был Смоленск. Именно он в конечном итоге и стал главной целью двух русско-литовских войн 1507–1508 и 1512–1522 гг., что велось в годы правления Василия.

Но прежде чем перейти к делу, остановимся в нескольких словах на истории включения Смоленска и Смоленского княжества в состав Литовского государства. Как получилось так, что одно из сильнейших русских удельных княжеств первой половины XIII в., благополучно избежавшее печальной участи Владимирского, Черниговского, Киевского и других княжеств, разгромленных и опустошенных татаро-монголами, не сумело устоять перед экспансией Литвы? Вернемся для этого в 30-е гг. XIII в., в самый канун Батыевого нашествия. Как писал русский историк П.В. Голубовский, «1230 год является важным и тяжелым моментом в истории Смоленской земли. Началось с землетрясения, затем во всей северной Руси наступил голод, продолжавшийся два года, а его результатом явился страшный мор: в самом городе Смоленске погибли 23 900 человек. Эти несчастья были началом новых бедствий: в Смоленской земле наступают политические волнения, отнимающие у нее силы и первенствующее положение в системе северных княжеств» [7, с. 299].

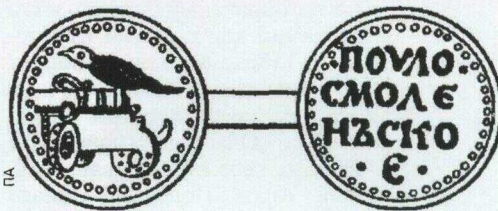
Последовавшая за смертью князя Мстислава Давыдовича борьба за власть способствовала ослаблению княжества, литовцы, и без того беспокоившие набегами смоленские «украины», оживились, и не прошло и 10 лет, как на смоленском столе оказался некий литовский князек. Правда, сидел он совсем недолго — в 1239 г. владимирский князь Ярослав Всеволодич вышиб его оттуда и посадил на освободившемся столе одного из рода смоленских князей, Всеволода Мстиславича. Проходит еще несколько лет, и ослабление Смоленска становится очевидным. Смоленские князья уже не в силах вмешиваться в дела южнорусских княжеств, перестали оказывать влияние на новгородские и полоцкие дела, падает и экономическая значимость Смоленска. К концу века

Герб Смоленского княжества (с тарелки царя Алексея Михайловича). 1675

княжество распадается на несколько уделов — выделяются сперва Можайский, а затем Вяземский уделы.

Рубеж XIII–XIV вв. в истории Смоленской земли ознаменовался княжеской междоусобицей, результатом которой стало дальнейшее ослабление княжества и утрата им Можайска, который в 1303 г. был захвачен московским князем Юрием Даниловичем. Тем временем к западу от Смоленщины набирали силы Литовское княжество. Смоленский князь Иван Александрович, правивший в 1313–1359 гг., опасаясь повторения ордынского набега 1340 г. и дальнейшего усиления московского влияния, пошел на сближение с Литвой и признал себя «младшим братом» великого литовского князя Гедимина.

Пуло смоленское конца XIV в.

Конечно, не все в Смоленске были сторонниками союза с Литвой, и во главе противной партии стал сын князя Василий, искавший поддержки в Москве. Раздорами в княжеском семействе воспользовались и Москва, и Литва. В 1351 г. московский князь Семен Иванович предпринял поход на Смоленск, но до войны дело не дошло, стороны сумели договориться и, надо полагать, на московских условиях, поскольку спустя 4 года уже Ольгерд напал на Ивана Александровича и отнял у него Ржев с волостью. Затем литовский князь двинулся на сам Смоленск, вынудив Ивана удалить Василия, а его сына Ивана забрал с собой. Оказавшись между двумя жерновами, Иван Александрович переменял ориентацию с пролитовской на промосковскую.

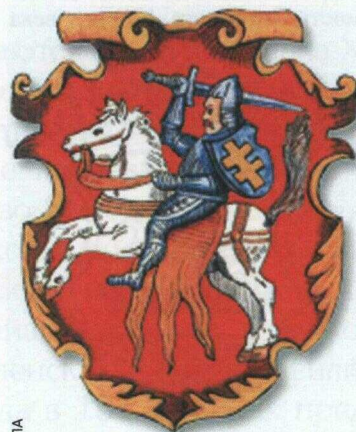
Его сын, энергичный Святослав Иванович (1359–1386 гг.) большую часть своего княжения провел в неустанной борьбе за сохранение независимости Смоленщины в равной степени и от Москвы, и от Литвы. Но было слишком поздно, чтобы что-либо переменить. Ольгерд, набравший немалую силу, к исходу 60-х гг., по существу, обложил Смоленск с трех сторон, бдительно следя за политической борьбой в Смоленске и непрестанно вмешиваясь в нее. Для него и его преемника Витовта Смоленск был удобным плацдармом для организации наступления на Москву, тем более что последняя в конце XIV в. вступила в ожесточенную борьбу с Тверью за главенство в Северо-Восточной Руси. Судьба Смоленска была предрешена, особенно если учесть, что московские князья, сконцентрировав свое внимание на удержании ярлыка на Великое Владимирское княжение, отказываются от противодействия литовцам в их поглощении Смоленщины. В отчаянном усилии переломить

неблагоприятный для него и его династии ход событий Святослав в 1386 г., воспользовавшись беспорядками в Литовском княжестве, наступившими после смерти Ольгерда, попытался вернуть себе Мстиславль, главный город Посожья. Однако литовские князья Скиргайло и Витовт явились под Мстиславль и в ожесточенной битве разгромили смоленские полки. Святослав пал в битве вместе со множеством князей и бояр смоленских.

Явившись после сражения под валы Смоленска, торжествующие литвины продиктовали смолянам условия мира — уплатить окуп и посадить князем сына убитого Святослава Юрия, женатого на дочери старшей сестры Скиргайло. Кроме того, новый князь, по словам П.В. Голубовского, «обязывался быть всегда верным Ягелле, королю польскому, великому князю литовскому и русскому и иных земель господарю; никогда не отступать от него ни при каких обстоятельствах; помогать ему во всех военных предприятиях, а если по каким-либо обстоятельствам или в силу болезни ему самому лично это сделать будет невозможно, то он должен послать своего сына; ни с полочанами, ни с Андреем полоцким обязывается не заключать мира, не иметь с ним никаких дипломатических сношений; все, что успели смоляне захватить во время войны, т. е., села и волости, он должен был возвратить назад» [7, с. 326, 327]. Конечно, Юрий, оправившись от ран и от последствий поражения, попытался порвать эту ставшую удручающей зависимость от Литвы, однако Витовт не позволил ему этого сделать. В 1392 г. он, явившись с войском под Смоленск, заставил Юрия покинуть смоленский стол и посадил брата Глеба. Когда же и Глеб стал непокорствовать воле властного литовского князя, Витовт в 1395 г. подошел к городу и обманом овладел им. Смоленские князья были пленены, а в городе посажены литовские наместники. Правда, страшное поражение Витовта на Ворскле в 1399 г. привело к тому, что в 1401 г. Юрий, опираясь на помощь своего тестя, рязанского князя Олега Ивановича, сумел сесть

на смоленский стол. Сторонники пролитовской ориентации хотя и подверглись репрессиям и казням, не были намерены складывать оружие и вступили в тайные сношения с Витовтом. Последний не был намерен так просто отказываться от своих завоеваний и после тщательной подготовки весной 1404 г. объявился под Смоленском с большой ратью и артиллерией. Город был подвергнут мощному обстрелу, его окрестности безжалостно опустошены, но смоляне устояли, и Витовт был вынужден отойти. Юрий поспешил в Москву за помощью, а пока он отсутствовал, бояре — сторонники Витовта сумели известить его о том, что князя в городе нет. Витовт немедленно сел в седло и появился под Смоленском. «Смоляне, обес-

ПА

Вариант герба Погоня, жалованный Смоленску Витовтом

силенные продолжительной непрерывной борьбой, голодом и болезнями, отворили ворота литовскому князю. Витовт въехал в город. В четверг 26-го июня 1404 года окончилась самостоятельная политическая жизнь Смоленской земли» [7, с. 334].

Не сразу смоляне согласились с новой властью, несмотря на то, что Витовт, железной рукой начав свое правление в Смоленске, тем не менее выдал его жителям «привилей», утверждавший определенные права и привилегии смолян. В 1440 г. в городе вспыхнуло восстание, угрожавшее расколом Литовского княжества. После его подавления великие литовские князья Казимир и Сигизмунд I приложили немало усилий для того, чтобы не допу-

стить повторения событий 1440 г. и как можно прочнее привязать к Литве Смоленск и, надо отметить, им это удалось. История походов Ивана III и Василия III на Смоленск это наглядно продемонстрировала. Однако прежде чем обратиться к ней, посмотрим, что представляли собой укрепления Смоленска, которым предстояло сыграть столь важную роль в неоднократных осадах города русскими полками.

Увы, к нашему сожалению, на сегодняшний день мы слабо представляем, какой была Смоленская крепость в начале XVI в. Современных изображений не сохранилось, равно как и остатков валов и стен того времени. Полноценные же археологические раскопки в условиях плотной городской застройки затруднены. Неудивительно, что автор последнего исследования по истории Смоленской крепости, Н.В. Сапожников, с горечью отмечал, что «...в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости. Ничего, по существу, не могут дать и графические источники XVII в., поэтому для реконструкции системы вооружения крепости приходится пользоваться немногочисленными письменными данными...» [23, с. 56]. Немногочисленные письменные источники не дают точного описания Смоленской крепости, ограничиваясь общими словами. Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск «град же има твердость, стреминнами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...» [11, с. 161]. Великий же князь литовский Сигизмунд I в 1514 г., накануне взятия Смоленска, сообщал своему корреспонденту, что де город этот неприступная крепость на Днепре, сильная «благодаря самой реке, болотам, а также человеческому искусству, стенам из дубовых брусьев, сложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и обмазанных ею снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни огнем пушек, ни таранами, и невозможно устроить под них

подкопы, чтобы разрушить или сжечь с помощью мина, огня или серы» [30, р. 2]. Так или иначе, но все описания Смоленска XVI в. сходятся на том, что город — удачно расположенная на левом, южном берегу Днепра чрезвычайно сильная крепость, выстроенная из дерева (дуба) и огражденная рвами [4, с. 253; 5, с. 325; 6, с. 147; 14, с. 108; 19, с. 44].

Сопоставив показания современников и материалов археологических раскопок, можно попытаться в общих чертах представить, какой же была смоленская крепость в самом начале XVI в. Система укреплений Смоленска к этому времени, судя по всему, состояла из двух основных частей: «Старого города» (в литовских документах того времени — «замка», в русских — «Старого большого города») и, так называемого, «Пятницкого острога» («Земляного города»). «Старый большой город», как следует из его названия, был старейшей и наиболее укрепленной частью Смоленска. С западной, южной стороны «Старый большой город» был укреплен мощным перевоземляным валом, поверх которого, возможно, шли забора (бревенчатый бруствер, с которого защитники крепости могли обстреливать неприятеля), и ровом. С восточной же и западной сторон, где вал упирался в глубокие, с отвесными краями овраги, он был огражден тыном. С северной стороны, выходящей к Днепру, «замок» был обнесен деревянной (дубовой) стеной с воротными башнями («старый деревянный город» [1, с. 416]). Характеризуя укрепления «замка», Н.В. Сапожников писал, что «...городские оборонительные сооружения этого времени [начала XVI в. — В. 7.] имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью примерно в 65 га. С северной стороны крепость была дополнительно усилена башнями. По крайней мере одна башня находилась в ее южной части» [23, с. 57].

Пятницкий острог, примыкавший к «замку» с запада, имел протяженность около 1,5 км. и имел, видимо, несколько менее мощную перевоземляную конструкцию, чем вал «Старого города». Укреплена была также

Портрет Великого князя литовского Витовта из Тракайского замка

и заднепровская сторона Смоленска, но каким был характер укреплений здесь, пока сказать что-либо определенное сложно.

Взять такую крепость было чрезвычайно сложно. Мы уже видели, что великий князь литовский Витовт сумел взять город в 1404 г. лишь со второго раза, воспользовавшись тем, что в Смоленске отсутствовал его князь Юрий Святославич. Учитывая же стратегическое значение, можно было ожидать, что борьба за него между Москвой и Литвой станет долгой и упорной.

Впервые московские полки подступили к Смоленску в ходе русско-литовской войны 1500–1503 гг. В кампанию 1502 г. великий московский князь решил нанести удар по этому городу, рассчитывая завершить войну, начавшуюся блистательной победой на р. Ведроши. Начальство над 5-полковой ратью

с артиллерией было поручено сыну великого князя Дмитрию Ивановичу Жилке. Авангард московского войска выступил к Смоленску в конце мая, и уже 9 июня великий литовский князь получил известие о том, что московиты появились в окрестностях города. Главные силы русской рати «с пушками, и со всеми приправами на добывание замков» выступили на Смоленск 14 июля 1502 г. Во 2-й половине августа русские полки собрались под городом, обложили его плотным кольцом и приступили к осаде. Как сообщала литовская «Хроника Быховца», московиты, пребывая под Смоленском, «воевали на вси стороны, а город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаячи песком и землею, невыможныя штурмы на него чинили» [8, стб. 562].

Смоляне упорно держались, рассчитывая на помощь великого литовского князя Александра Казимировича, и все усилия русских воевод оставались втуне. Иван III, недовольный отсутствием видимого успеха (как раз в это время литовский князь предложил начать мирные переговоры и Иван хотел заполучить в руки отличный козырь в виде взятого Смоленска), 27 августа отправил в лагерь осаждавших дьяка И. Телешова и наказом сыну ускорить взятие города. Однако ни непрерывная бомбардировка, ни тяготы осады — ничто не могло сломить воли смолян к сопротивлению. Дальнейшее продолжение осады выглядело бесперспективным. Большие потери, проблемы со снабжением (все, что можно было съесть, было съедено, местность на десятки верст от Смоленска подверглась тотальному опустошению и разграблению, а распутица мешала доставке провианта, фуража, пороха и ядер), сведения о том, что литовский князь собирает полки на помощь смолянам — все это говорило в пользу принятия решения отступить. К этому стоит добавить, что поход 1502 г. по праву может быть назван «грязевым» — погода летом и осенью этого года стояла отвратительная. Как писала ле-

топись, «лето было непогожее: бури великие и хоромы рвало и дровие ис кореня рвало и дожди шли великие. И осень была вся непогожа же: и хлебу был нерод и ржем и ярем, многие люди и семен не собирая, а то непогодие стояло и до Николина дни и потом замерзло и снег пал...» [26, с. 215]. Последней соломинкой стала неудача предпринятого 16 сентября штурма. Понукаемый из Москвы, Дмитрия Жилка 15 сентября приказал, не дожидаясь, пока артиллерия пробьет брешь в смоленских валах, идти на приступ. Однако попытка подняться на валы Смоленска была отбита с большими потерями для русского войска, погиб и один из воевод, командовавших атакой. 17 сентября русские начали отступление, «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно» [26, с. 214, 215].

По возвращению в Москву Дмитрий доложил отцу, что главная причина неудачи заключалась в том, что де «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушаша». Разгневанный Иван беспощадно распорядился

с послушниками, повелев многих из них казнить, бить кнутом на площади или кинуть в тюрьму [26, с. 215]. Однако все это не могло уже исправить положения, Смоленск устоял, и завершить войну так, как хотелось, московскому государю не удалось.

Первая осада Смоленска наглядно продемонстрировала всю сложность этого предприятия. Четко обозначились и основные проблемы, которые нужно будет решать тем, кто решится на его новую осаду — как взломать действительно мощнейшие по тем временам укрепления Смоленска и как решить проблему снабжения осаждающих войск (поскольку было очевидно, что быстрого решения первая проблема не имеет). И последняя являлась, очевидно, самой сложной. Вряд ли случайно Иван III подчеркивал в сношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем именно это обстоятельство, отписывая союзнику, что его сын «Смоленска не взял затем, что... пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати» [17, с. 439]. От решения двух этих проблем зависело и решение «смоленского вопроса» в отношениях Москвы и Вильно. И еще одна важная черта обозначилась во

Поход москвитян на Смоленск

Деревянные укрепления Смоленска

время первой «смоленщины» — отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки осажденной крепости извне. Московские авангарды появились в окрестностях Смоленска в начале июня, а осада закончилась в сентябре, т.е. боевые действия под городом шли на протяжении примерно 3,5 месяцев. И за все это время великий литовский князь так и не смог организовать посылку войска на помощь осажденным и вынудить русских отступить, смолянам пришлось фактически один на один сражаться с Иваном III. Неспособность верховной литовской власти быстро собрать рать на помощь осажденным смолянам спустя несколько лет станет роковой. Но до этого было еще далеко, а пока в Вильно праздновали нечаянно одержанную (хотя собственно, почему нечаянно — Александру нужно было благодарить прежде всего смолян, несмотря на все тяготы осады и опустошения их земель оставшихся верными своему сюзерену) победу, позволившую выйти из чрезвычайно неудачно начавшейся войны в общем-то достаточно благополучно.

В Москве тем временем отнюдь не собирались отказываться от планов захвата Смоленска. Как только закончились полити-

ческие тревобления, связанные с переходом власти от Ивана III к его сыну Василию III, проблема литовско-русских отношений и смоленский вопрос, как составная и едва ли не важнейшая на тот момент их часть, снова встали на повестку дня. Обе стороны, неудовлетворенные исходом войны 1500–1503 гг., искали повода для начала новой войны, и долго искать его не пришлось. Пограничные стычки и взаимные набеги не прекращались все это время, и когда литовские послы в марте 1507 г. прибыли в Москву, то они услышали «пригожие» слова: «Государь [Василий III. — В. П.] во всем зятю своему Александру перемирие лета по его живот правил, а з Жигимонтом королем государю перемирья не бывало...» [18, с. 483].

В начавшихся вскоре после этого боевых действиях Смоленск не был обойден вниманием московских воевод. В июле из Дорогобужа на смоленские земли совершила стремительный набег небольшая конная рать (4 полка, 4 воеводы) под началом окольничего И.В. Вельяминова, а затем Смоленщина подверглась опустошению и разорению со стороны 5-полковой рати под началом воеводы князя И.М. Репни-Оболенского [21, с. 95, 96]. Однако на этот раз

обошлось без осады — видимо, в Москве помнили неудачную попытку взять хорошо укрепленный город 5 лет тому назад и решили на этот раз не тратить время. Весной следующего года Смоленщина подверглась очередному опустошению, когда через нее прошли полки боярина Якова Захарыча, направившиеся к Минску на соединение с взбунтовавшимся против Сигизмунда I князем Михаилом Глинским [21, с. 101]. Но и тогда до осады дело не дошло, а в октябре 1508 г. война закончилась «Вечным миром». Военная гроза затронула Смоленск одним крылом.

Мир, подписанный осенью 1508 г., несмотря на свое громкое название, продержался всего лишь 4 года, оказавшись всего лишь очередным перемирием. Пограничные стычки и взаимные наезды и грабежи, отравлявшие отношения между Москвой и Вильно в предыдущие годы, возобновились едва ли не на следующий день после завершения войны, размен пленниками не был доведен до конца [18, с. 488–490], Сигизмунд жаждал вернуть бежавшего к Василию Михаила Глинского, а вдова Александра Казимировича, сестра Василия княгиня Елена подвергалась притеснениям и оскорблени-

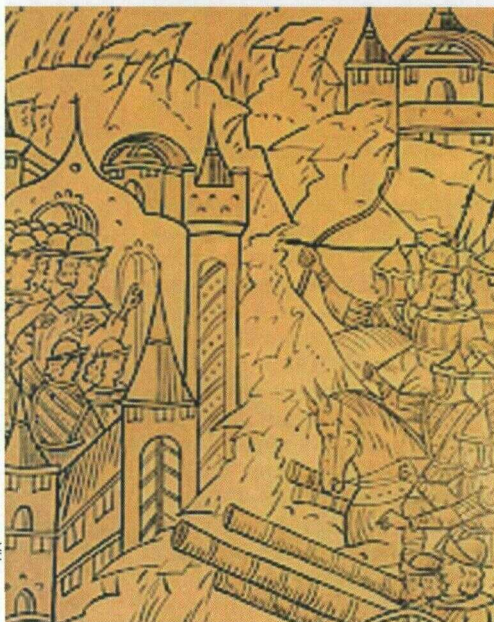

Великий князь московский
Василий III

ям со стороны нового великого литовского князя и его окружения. Одним словом, причин для того, чтобы начать новую войну, было более чем достаточно и очень скоро стало ясно, что новой войны не избежать.

Не вдаваясь в перипетии дипломатической борьбы в канун новой русско-литовской войны (которые подробно рассмотрел А.А. Зимин [10, с. 145–150]), сразу перейдем к делу. Осенью 1512 г. вдовствующая великая княгиня Елена Ивановна собралась было отъехать в свое имение Брянск и отослала

Осада Смоленска. Гравюра

вперед себя часть своей свиты и казну. Намерение княгини отбыть в свои владения вызвало у литовской паны-рады (совета литовской аристократии) подозрение, что она собирается в канун надвигающейся войны бежать к своему брату в Москву. Елена была арестована и посажена в темницу, где вскоре и умерла. Этого оказалось достаточно, чтобы в русской столице решили — дальнейшее соблюдение условий мирного договора не имеет смысла. К тому же Василию III и его боярам стало известно о том, что между Сигизмундом и Менгли-Гиреем I, крымским ханом, идут переговоры о заключении союза против Руси. «Жигимонт король польский ссылается з бесерменским царем Менлигиреем и его наводит, Минлигириа, на великого князя, чтобы на него пошел ратью...» [25, стб. 395].

В Москве решили не ждать, пока грянет гром, и нанесли удар первыми, благо привычным к войнам Василию III и его бедным, голодным и злым детям боярским собраться в поход — только подпоясаться. К Сигизмунду был отправлен со «складною грамотою» подьячий Васюк Всесвятский, а в грамоте той государь «писал свое имя с титулы, а королево без титулы. А в грамоте писал о обидные всякие дела и о том, что королеве [Елене Ивановне. — В. П.] паны безчестье учили, и людей и казну и именье ее поимали, и бесерменства на государеву землю наводит; и за то за все взял Бога на помочь, пошел на него и хочет стоять, сколько Бог помочи подаст...» [18, с. 499]. Так началась очередная, растянувшаяся на долгие 10 лет русско-литовская война (1512–1522 гг.).

Стремясь предупредить совместное выступление литовцев и татар, Василий III не стал дожидаться весны и открыл кампанию немедленно, как только морозы сковали землю, лег первый снег и установился санный путь. Кажется, что Василий учел результаты «грязевого» похода Дмитрия Жилки и решил попытаться атаковать Смоленск, имея надежные коммуникации для подвоза всего необходимого для многочисленного войска. А в том, что

оно было таким, нет никаких сомнений. 14 ноября «наперед себя» великий князь послал к Смоленску 5-полковую рать (10 воевод) под началом князя И.М. Репни-Оболенского и конюшего И.А. Челяднина. Сам государь покинул Москву 19 декабря, возглавив главные силы русского войска (5 полков с 19 воеводами, двор самого великого князя и дворы его братьев Юрия и Дмитрия, служилые татары и пр. [15, с. 125–127]) и в январе («в рождество говение») прибыл под Смоленск добывать «своей отчины» [4, с. 253; 20, с. 97]. К середине января под стенами Смоленска собралось около 15,5 тыс. ратных людей (в т.ч. не менее 1 тыс. пищальников-псковичей, не считая взятых с других городов) при 140 орудиях [12, с. 212; 15, с. 47–50; 20, с. 97].

Василий... сделал ставку... на измор и на внутренние разногласия среди смолян.

Судя по всему, смоляне, как и в 1502 г., не рискнули выступить против столь сильной рати и, спалив заднепровский посад, укрылись в «замке». Сев в осаду, они рассчитывали дождаться, пока не подойдет помощь со стороны Сигизмунда или пока москвиты, истратив припасы и опустошив дотла окрестности города, будут вынуждены отступить. Василий III и его воеводы были настроены весьма решительно и не собирались тянуть время. Город был обложен со всех сторон, посоха возвела батареи и туры, пушки, установленные на обоих берегах Днепра, открыли канонаду. Однако смоляне держались, и Василий III, нервничая и понимая, что время сейчас не на его стороне, попытался форсировать события. В конце января, по сообщению псковских летописей, «князь велики даше псковским пищальником, Хорроузе сотнику с товарищи три бочки меду и три бочки пива, и напившись полезоша к городу, и иных городов пищальники, а посоха понесоша примет».

Штурм охотниками был принят в полночь, после того, как на протяжении всего дня артиллерия великого князя палила по городу. Однако штурм не задан — осажденные ждали атакующих «и много под городом пищальников и посохи прибили, а псковских пищальников много же побиша, зане же оны пьяны лезли» [20, с. 97]. Сигизмунд I на радостях отписывал архиепископу Яну Ласкому, что при отражении атаки смоляне побили 2 тыс. московитов [29, р. 157], и хотя, естественно, сведения эти преувеличены, ясно одно — провалившаяся попытка штурмовать укрепления Смоленска обошлись русским полкам очень и очень дорого. Во всяком случае, анонимный немецкий автор писал вскоре после отступления русских от Смоленска, что Василий III оставил под его валами до 4-х тыс. своих ратников [22, с. 5].

После этой неудачи Василий III продолжил обстрел города, надеясь, что, не выдержав непрерывной канонады, гарнизон города и его жители согласятся на капитуляцию. Но его расчеты не оправдались. Никаких признаков ослабления воли осажденных к сопротивлению не было заметно. Между тем приближалась весна с неизбежной распутицей, стоять в лагере под валами Смоленска становилось все труднее и труднее, войско роптало, устав от безрезультатной осады. На исходе 6-й недели осады, когда «начало тепло быти, весна и воды многи, а корму конского скудно бе», Василий скрепя сердце был вынужден отдать приказ начать отступление и вернулся в свою столицу в первых числах марта 1513 г., «в третью неделю святого поста» [11, с. 161, 193; 25, стб. 395].

Неудача зимнего похода отнюдь не охладила решимость Василия III овладеть Смоленском. Пусть Василий, по словам имперского посла С. Герберштейна, в отличие от отца, и не был столь успешен в своих военных предприятиях, но он был упорен и настойчив в достижении поставленной цели [5, с. 79, 87]. Не прошло и двух недель после возвращения из похода, как 17 марта государь и Боярская дума приговорили идти на город во второй раз,

вскоре дьяками был составлен соответствующий разряд, и к началу лета на литовско-русской границе была сосредоточена большая армия, ждавшая приказа о начале вторжения. Интересно, что, судя по всему, Василий III через посредство некоего саксонца Шляйница, «человека» Михаила Глинского, сумел нанять в Германии, Чехии и Италии отряды немецких пехотинцев-ландскнехтов и всадников, итальянских и немецких инженеров и закупить осадные машины [29, р. 142; 31, р. 373].

14 июня 1513 г. государь выступил из Москвы в Боровск «своего для дела смоленского». 18 июня Василий прибыл в Боровск, а 17 июля расположенные на границе полки получили долгожданный приказ начать вторжение. Непосредственно на Смоленск двинулась 5-пол-

стояло только 7 пеших наемных рот общей численностью по спискам 803 пехотинца и 27 всадников [28, с. 14]), видя немногочисленность русских полков, попытался сделать вылазку из города. Однако, по сообщению летописца, «Божиим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу и князей и панов прогнаша, и многих людей побиша, и иных князей, и бояр и жельнейрей живых многих поимаша...» [4, с. 253]. 11 августа к Смоленску из Дорогобужа двинулись «большие воеводы» с еще примерно 4 тыс. ратников. К середине августа соединенная русская рать завершила обложение Смоленска и, блокировав город, ждала подхода великого князя и «наряда».

Сам Василий с братьями Дмитрием и Андреем и с осадной артиллерией (упоминавшийся выше немецкий аноним писал, что у Василия было 2 тыс. больших и малых «buchsen» [22, с. 6], видимо, имея в виду как артиллерийские орудия, так и ручницы-пищали) пошел из Боровска на Смоленск только 5 сентября 1513 г., убедившись в том, что на южной границе спокойно и татары не выступают на помощь Сигизмунду. Под осажденный город великий князь прибыл 22 сентября [21, с. 133]. Эта задержка имела роковые последствия, но это станет ясно позже, а пока Василий, исполненный надежд, приказал начать правильную осаду Смоленска. Город был плотно обложен — до такой степени, что «туда никогда, до самого последнего дня его [Василия III. — В. П.] отступления не могло проникнуть никакое письмо или донесение...», после чего «князь великий... пушки повеле изставити и по граду ис пушек и ис пищалеи повеле бити по многи дни» [11, с. 194; 22, с. 5].

Как и в предыдущий раз, осада продолжалась 6 недель, причем, если верить немецкому источнику, особенно тяжелыми для осажденных оказались последние 4 недели и 2 дня, когда бомбардировка практически не прекращалась, а отряды охотников раз за разом пробовали взобраться на смоленские валы. Мощный огонь московской артиллерии в нескольких местах

Герб Смоленска из малого Титулярника. 1672

ковая рать во главе с воеводой князем И.М. Репней (11 воевод) численностью около 5–6 тыс. чел. Надо полагать, что лично убедившись в прочности смоленских валов, Василий на этот раз сделал ставку не на «прямое дело», а на измор и на внутренние разногласия среди смолян. Поэтому перед воеводами была поставлена задача выйти к Смоленску, блокировать его и сорвать сбор урожая, одновременно довершив разорение смоленских окрестностей. Дальнейший ход событий только подтверждает это предположение.

Самое позднее 20–21 июля 1513 г. передовая русская рать вышла к Смоленску. Гарнизон города во главе с наместником Юрием Глебовичем (о его размерах можно судить по тому, что в начале 1503 г. в Смоленске

Великий князь Василий III. Рис. XIX в.

разрушил заборолу, разбил Крыношевскую башню, «великие скорби и бои пушками и пищали по много дни сътвори...» [4, с. 253; 11, с. 194; 22, с. 6]. Однако немногочисленный гарнизон города и смоляне, ободренные слухами о том, что сам Сигизмунд прибыл в Вильно со свежими войсками, продолжали держаться, исправляя по ночам повреждения, наносимые русской артиллерией. И снова обратимся к свидетельству «с той стороны»: «Добрые люди в крепости рыцарски оборонялись, терпели большую нужду от врагов, а также голод, потом съели всех лошадей, решившись скорее съестъ друг друга, чем сдать; они жили в надежде, что их спасут, сожгли самый город и забрались в крепость, которая там очень велика и обширна; в ней было более 10000 мужчин и женщин...» [22, с. 6]. Неоднократные посылки великим московским князем «грамот о добре и зле, чтоб они [смоляне. — В. П.] за-далися за великого князя» так-

же были отвергнуты жителями города [20, с. 97]. Кстати, стоит обратить внимание на указание немецкого анонима о голоде, начавшемся в Смоленске — тактика, выбранная Василием, начала давать ожидаемый эффект. Собственных ресурсов, чтобы и дальше выдерживать военное напряжение, у смолян уже не осталось, запас прочности их был на исходе, и сражались они только в надежде на помощь извне.

Тем временем, воспользовавшись стойкостью смолян, Сигизмунд I постарался не разочаровать своих верных подданных и сумел собрать немалые силы, во главе которых был поставлен старый и опытный гетман князь К. Острожский, и перешел в контрнаступление, деблокировав окруженные русскими войсками Витебск и Полоцк. Василий III, опасаясь неудачи и потери «наряда» и обоза, решил снять осаду и отступить. Наступившие холода и обозначившаяся нехватка фуража ускорили при-

нятие решения об отступлении. Видимо, русские начали сворачивать свои действия под Смоленском в первых числах ноября, поскольку уже 8 ноября Сигизмунд писал прусскому великому магистру о том, что москвитяне покинули свои позиции под Смоленском [29, р. 259]. Согласно русским летописям, русские войска «воевали» Литву «осень и зимоу до великих заговен» (т.е. до 15 ноября). Сам великий князь вернулся в Москву из похода «на Веденьев день» (т.е. 21 ноября) 1513 г., «не оучиня ничего же, только землю Литовскую поусту dospел» [16, с. 462; 20, с. 97; 25, стб. 396].

Но не зря же Герберштейн подчеркивал такую черту Василия III, как упорство. Второй раз отступив от Смоленска, он не пал духом и не был намерен сдаваться. Зима 1513–1514 г. прошла в напряженной дипломатической деятельности и подготовке нового похода, и уже 4 февраля 1514 г. Василий «приговорил» «итить к Смоленску в третие». Спустя две с небольшим недели, 20 февраля, великий князь «отпустил» в Дорогобуж 5-полковую рать во главе с князем Д.В. Щеней (около 5–6 тыс. ратных людей) с приказом после завершения сосредоточения полков немедленно выступить к Смоленску [21, с. 137, 138]. Очевидно, что Василий III и его советники рассчитывали не дать смолянам времени отстроиться после двукратного разорения и провести весенние полевые работы. Сам Василий выступил к Смоленску в сопровождении своего двора, братьев и, надо полагать, «наряда», только 8 июня 1514 г. К Смоленску тогда же начали двигаться и примерно 3–4 тыс. ратных людей из Тулы [21, с. 136–139].

К этому времени город был уже плотно обложен московскими войсками: ««В лето 7022 индикта 2 месяца мая 17 день на память ст. отца Григория тыждень по святом Николи дне вешнем во второк объехали москвичи Смоленск» [27, стб. 185, 186]. Началась третья, последняя осада Смоленска, продлившаяся 12 недель [9, стб. 346]. Сигизмунд, как всегда, безнадежно запаздывал с мобилизацией своей армии,

сбор которой начался только в первых числах апреля 1514 г. и должен был быть завершен к концу июня [2, с. 114, 115]. Единственное, что успели сделать литвины до того, как москвиты снова подступили к Смоленску, так это пополнить запасы пороха, селитры и усилить его артиллерию. Так, в декабре 1513 г. в город доставили 100 гаковниц [12, с. 222, 223]. Был заменен и смоленский воевода — им был назначен Ю.А. Сологуб, до этого уже исполнявший обязанности смоленского воеводы в 1503–1507 гг. 9 апреля 1514 г. он вместе с горожанами и гарнизоном присягал на верность Сигизмунду. Исходя из этого, можно предположить, что в начале апреля москвитяне еще не блокировали город, но их отряды уже появились в его окрестностях. Во всяком случае, во 2-й декаде апреля князь Михаил Глинский с отрядом в 1 тыс. всадников уже подошел к Смоленску и вступил в переговоры со смолянами [30, р. 70]. Попытка небольшого отряда наемной пехоты под началом некоего

Спергалта прорваться в Смоленск на помощь Сологубу не удалась. Наемники, встретившись с русскими сторожами на подходах к городу, повернули назад и засели в Орше.

Между тем Сигизмунд никак не мог собраться с силами, и хотя в отдельных стычках мод Оршей и Мстиславлем были разбиты небольшие русские отряды, опустошавшие владения великого литовского князя, положения смолян это никак не улучшило. Надежды на скорую деблокаду не было, Сигизмунд, тщетно ожидая помощи крымского хана, прибытия наемников и сбора шляхты, которая чрезвычайно медленно, нехотя, съезжалась в Минск, сидел в Вильно. Тем временем в начале июля под Смоленск прибыл сам Василий III, и осадные работы активизировались: «Пришел князь велики сам с своею братиею под город Смоленск, пушки и пищали около города велел уставити и приступ ко граду хотел учинити, ис пушек и ис пищалей велел был по городу и в город бити...» [25, стб. 399].

Мощная бомбардировка, которой был подвергнут город со всех сторон, произвела необходимый эффект. И неудивительно — ведь, если верить польскому хронисту Мацею Стрыйковскому, всевозможных артиллерийских орудий у Василия было ни много ни мало, а 300. Их «работой» руководил, судя по всему, артиллерийских дел мастер некий Стефан, возможно, один из тех специалистов, что были наняты Шляйницею, грамотный и толковый пушкарь. «И пушки и пищали болшии около града уставивши, — писал русский летописец, — повеле [Василий III. — В. П.] град бити со всех сторон, и приступы великиа чинити без отдуха, и огненными пушками в град бити, яко от пушечнаго и пищалнаго стуку и людскаго кричания и вопля, такожде и от градских людей супротивнаго бою пушек и пищалей, земли колыбаться и друг на друга не видети, и весь град в пламяни курения ему...» [3, с. 100; 4, с. 255; 31, р. 374]. Смоляне, отчаявшиеся в своих надеждах получить помощь, окончательно разоренные в результате третьего нашествия москвитян и осознавшие, что Василий III, если потребует, придет снова и снова, пока не возьмет город, потребовали от «лучших» людей, воеводы и епископа Варсонофия «добить челом» московскому государю. Очевидно, что не последнюю роль в этом сыграли и увещевания князя Михаила Глинского. Последний обратился к тем из смоленских бояр, кто его знал, и к командному составу гарнизона, предлагая им сдаться и перейти на службу Василию III. Московский государь, утверждал Глинский, оценит их службу лучше, чем Сигизмунд. Эти слова особенно убедительно звучали на фоне грохочущих московских пушек и молчания Сигизмунда. Впоследствии король удивлялся — как такая крепость, до того трижды отражавшая московские приступы, и вдруг открыла ворота неприятелю? Но на самом деле, ничего удивительного в этом не было — даже если бы Глинский и не сумел бы договориться с «лучшими людьми» в Смоленске и

Осада Смоленска 1514 г.

Дионисий

Смоленская икона Божьей Матери. Одигитрия. Дионисий. 1482
Бесследно исчезла после оккупации Смоленска немецко-фашистскими войсками в 1941 г.

с гарнизонными начальниками, все равно город без немедленной помощи устоять бы не смог, поскольку еще в ходе предыдущей осады исчерпал запасы прочности. В первых числах июля, вскоре после прибытия московского государя в лагерь русской рати под Смоленском, переговоры о капитуляции города вступили в завершающую стадию. 10 июля 1514 г. датируется жалованная грамота смолянам, данная им Василием III, в которой великий князь обещал смолянам «их пожаловати, держати в их старине, как их держал князь великий Витовт и иные прежние государеве их, по той утверженной грамоте, какову им дал свою утвержденную грамоту Александр король...» [24, с. 411–413]. После получения такой грамоты сопротивление становилось бессмысленным, и «лучшие люди» Смоленска во главе с епископом Варсонофием решили открыть ворота московскому государю. Еще три недели ушли на согласование всяких формальностей, и 1 августа 1514 г. состоялся заключительный акт смоленской эпопеи Василия III — московский

государь торжественно вступил в свою «отчину и дедину».

Война на этом не закончилась. Вскоре после падения Смоленска русские полки потерпели серьезное поражение на Орше, и литовцы попытались вернуть себе Смоленск, опираясь на своих сторонников среди смоленских «лучших людей».

Только «Вечный мир» 1686 г. подвел итоги многовекового соперничества двух государств за Смоленск, навеки оставив его в составе России.

Однако заговор был вовремя раскрыт, заговорщики перевешаны, а Василий, воспользовавшись представившимся случаем, устроил «перебор людшек» в Смоленске и его округе подобно тому, как это сделал его отец в Новгороде, а

он сам — во Пскове. Эти меры позволили укрепить власть московских наместников в Смоленске, который стал важнейшей крепостью Русского государства на западных его рубежах. Борьба за Смоленск на этом не закончилась — в Вильно, а потом и в Варшаве помнили о том, что когда этот город был настоящей жемужиной в короне Ягеллонов и Гедиминовичей, и пребывание Смоленска под властью великих государей вся Русь было препятствием на пути установления действительно прочного, «Вечного» мира между двумя государствами. Заключаемые соглашения оставались, де-юре или де-факто, не более чем перемириями. Смоленщина еще не раз становилась ареной сражений, а оборона Смоленска от войск Сигизмунда III в годы Смуты стала одним из ярчайших примеров стойкости и верности своему долгу и присяге русских людей. Только «Вечный мир» 1686 г. подвел итоги многовекового соперничества двух государств за Смоленск, навеки оставив его в составе России.

Источники

1. Акты исторические. Т. II. СПб., 1841.
2. Акты, относящиеся истории Западной России, собранные и изданные Археологическою Коммиссиею. Т. II (1506–1544). СПб., 1848.
3. Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982.
4. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
6. Гизен С., Гейс С. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора, в 1593 году // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991.
7. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.
8. Западнорусские летописи. Список Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008.
9. Западнорусские летописи. Список гр. Рачинского // ПСРЛ. Т. XVII.
10. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М.: Наука, 1972.
11. Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
12. Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899.
13. Мальцев В.П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. Вып. 8. М., 1940.
14. Меховской М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
15. Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901.
16. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
17. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
18. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487–1533 год) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее СБРИО). Т. 35. СПб., 1882.
19. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1983.
20. Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
21. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. М.: Изд-во Института истории АН СССР, 1977.
22. Рябинин И. Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 году) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1906. Кн. 3. Смес.
23. Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ, 1991.
24. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813.
25. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001.
26. Типографская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000.
27. Хроника о великих князях литовских // ПСРЛ, Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008.
28. Бохан Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004.
29. Acta Tomiciana. Т. II. Posnaniae, 1852.
30. Acta Tomiciana. Т. III. Posnaniae, 1853.
31. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka I wszystkiej Rusi. Т. II. Warszawa, 1846.